По разрушенному миру человек шёл в тишине.

Если бы звук всё ещё существовал, его шаги тихо ударились бы о траву. Его плащ зашелестел бы, плывя за ним, и его сердце забилось бы в груди. Если бы вкус всё ещё был концепцией, он бы почувствовал запах цитрусовых, дрейфующий по ветру. Вкус воздуха, испорченного солёным морем. И если бы у него был голос ...

Он бы пел. Но нет, он не пел. Он не мог.

В разрушенном мире не существовало пения.

Итак, он шёл молча.

Он не знал, как далеко он прошёл в темноте. Или как долго. Это могло быть мгновение, а могла быть вечность. Забавно, насколько мала здесь разница между этими понятиями. Как всё это незначительно. Мужчина остановился, когда что-то коснулось его сознания.

Вот - сказал голос в его голове. Дерево

Он подошёл к нему. Дереву... Объекту в пустоте, которого больше не должно существовать. Было странно видеть его, не видя. Просто быть уверенным, что оно есть там, вместо того, чтобы полагаться на костыли смертного зрения. Он знал каждую неровность в коре, каждую линию на листьях. Всё сразу, но ничего в один и тот же момент.

Потому что дерево было странным. Сегментированным. Некоторые его части были здоровы, другие засохли, а остальные обугливались ещё тлеющими углями. На одних ветвях виднелись зеленые листья, на других - красные. На некоторых вообще ничего не было. Оно выглядело так, как если бы кто-то порвал несколько разных картинок одного и того же дерева и, не задумываясь, сложил части вместе, оставив хаотичную имитацию реальности.

На стволе, сказал ему голос. Внутри дупла.

Мужчина подошёл к нему. В коре виднелась полость - знакомая до такой степени, что он не мог понять. Он вгляделся в темноту внутри и замер.

Странно. Здесь он чувствовал себя сильнее. Вокруг него был намёк на звук. Запах. Зрение. Всё вернулось. А также...

Скажи привет.

Его голос. Мужчина ласково улыбнулся тёмной лощине. Кривой, изогнутой ухмылкой человека, пережившего многое. «Привет» - сказал он, и его голос был мягким, как хлопок, касающийся шёлка. «Меня зовут¿[illegible] .. А тебя?»

Голос ответил, с другой стороны. Голос мальчика.

«... Роуэн.»

«Приятно познакомиться, Роуэн» - сказал мужчина. «Хочешь послушать песню?»

Последовала пауза. Пик колебания. Потом...

«Хорошо.»

И ухмылка мужчины стала ярче.

***

«Веретено-тонкая паутина, мягкая шёлковая кровать монарха» - рифмовал я, бормоча извилистую мелодию себе под нос, пока нёс коробку со второго этажа. Внутри грохотали пустые склянки. «Король Каина семь раз был женат, жалуясь на солнце обжигающее его большую лысую голову. Не позволь ему застать тебя спящим на его кровати, иначе он вызовет охрану и убьёт тебя. Лающий хвастун - крестьянский питомец…»

Я замолчал. У меня кончились рифмы. Рифмуется ли хлеб с шлемом? Я пожал плечами. Эх. Разберусь позже.

В любом случае, получившаяся песенка была просто бессмысленной. Но она мне понравилась. Потому что она была моей.

Я подумал, понравится ли она и Поющему дереву.

«Осторожнее спускаться по лестнице, Роуэн. Не урони коробку!» - раздался голос из подвала, приглушённый деревянными половицами. Я закатил глаза и высунул язык.

«Да, мама!» - ответил я.

Хммм. Как будто я могу упасть с лестницы в моём возрасте. Я перестал этим заниматься, когда мне исполнилось восемь лет, два года назад. Предки… мама. Теперь я умнее чем тогда. Когда я достиг нижней ступеньки - я сразу понял это, потому что считал шаги. Я спустился с последней ступеньки, и моя нога коснулась пола кухни. Я ухмыльнулся.

Отличная работа.

Я поплёлся к лестнице в подвал, выглянув из-за угла ящика, который нёс. Я снова начал внимательно считать шаги. Три… шесть… десять-

Сзади меня нависла тень. Хм. Я моргнул и посмотрел вверх.

Это был отец. Высокий, высокий отец. Он смотрел на меня своими кристально-янтарными глазами, и я не мог не завидовать его внешности. Он был ходячим холмом. Нет, горой! Восемь футов ростом, каменная кожа и покрытые мхом волосы. Могучий тролль, родом из далёкого измерения.

По сравнению со мной, унаследовавшим больше амаридных черт матери, он был намного круче. Потрясающим?

Я нахмурился.

«Что лучше - крутой или потрясающий, отец?»

Он задумался на мгновение. Потом пожал плечами. «Как ты думаешь?»

«Я думаю, что потрясающий лучше.»

«Тогда так оно и есть,» - сказал он, улыбаясь, и я просиял в ответ. Он указал на коробку в моих руках. «Тебе нужна помощь с этим?»

Я быстро покачал головой. То, что я был стройным, как мать, не значило, что я не такой же сильный, как он. Я должен показать ему это.

«Я могу сделать это сам, отец».

«Уверен?» - поддразнил он: «Коробка выглядит тяжёлой.»

«Хммм. Я могу поднять вещи и тяжелее, с лёгкостью.»

«Круто!» - усмехнулся он - используя слово, которому я его научил, и взъерошил широкие осенне-оранжевые листья, которыми были мои волосы. – «Тогда давай, отнеси это своей матери. Я рассчитываю, что ты сделаешь это очень осторожно!»

Я кивнул. «Понял!»

Я медленно спустился по лестнице и услышал позади себя, как отец издал второй смешок. Его громкие шаги эхом раздались по направлению к мастерской за домом. Наверное, снова идёт работать. Изготавливать орудия убийства и прочее. Или лопаты и ножницы. Обычно ножницы.

Но иногда делал топоры. И ножи. Отец такой крутой.

Жаль, что он не часто покидает мастерскую. Я бы хотел научить его большему количеству слов. Как поистине. И налогообложение! Я ухмыльнулся. Это действительно крутое слово.

Спустившись по лестнице, я обнаружил, что мама уже ждёт меня. Это была невысокая женщина с тем же цветом листьев на голове, что и у меня. Они были завязаны в пучок у неё на макушке. Мама взяла коробку из моих рук, быстро сказав «спасибо» она повернулась и направилась к своему рабочему месту.

Я посмотрел на её спину, её чёрный алхимический плащ почти касался пола. Её руки двигались быстро. Одно движение за другим, никогда не останавливаясь. Она открыла конфорку, затем уменьшила огонь. Когда смесь закипела, поймала пар в бутылку. Измельчила травы и кристаллы. Смешала. Сварила. Синтез… ировала.

И опять занята. Как всегда.

Я подошёл к столу, за которым она работала, встав на цыпочки, чтобы посмотреть на коллекцию стеклянных инструментов на её столе.

«…Это что?» - спросил я, указав на одну из банок. В ней было немного блестящего порошка.

«Сапфировая пыль.» - ответила она.

Я немного подождал, но она больше ничего не сказала. Я поджал губы. «Что делает сапфировая пыль?»

Ответа не последовало.

Мать пристально смотрела на один из кипящих стаканов, наблюдая, как поднимаются пузыри. Я обиженно нахмурился. Она всегда была такой. Когда она начала работать, у неё не было времени ни на что другое. Я даже не был уверен, слышала ли она мой вопрос вообще.

Сопя, я отошёл от стола и взбежал по лестнице. Я продолжал бежать, пока не добрался до нашего заднего двора, где находилось Поющее дерево.

Это было старое дерево, даже выше дома. Его листья отбрасывали тень на весь двор, и я обнаружил, что мои ноги шуршат по листьям, которые оно начало сбрасывать. Жёлтые, оранжевые, красные. Цвета были красивыми, но я не остановился, чтобы посмотреть на них. Нет, я был зол. Я был расстроен.

Расстроенному мне, не нравился не один цвет. Даже если он был довольно красив.

Итак, нахмурившись, я сел перед Поющим деревом. Я посмотрел в темноту внутри дупла. На меня обрушилось присутствие, словно тяжесть, и я понял.

Мужчина с другой стороны смотрел в ответ.

«Ещё раз здравствуй, Роуэн» - сказал он голосом мягче шёпота. «Кажется, ты расстроен.»

«Нет,» - фыркнул я. «Спой мне песню.»

Последовала пауза.

«Серьёзно?»

Я кивнул. Сегодня мне было всё равно. Даже если настоящие песни заставляли меня чувствовать холод и оцепенение. Даже если у них была какая-то цена, которую я не понимал. Они развеивали грусть лучше, чем обычные песни, и уж точно были интереснее, чем мама. Она всегда была такой скучной. И всегда такой... занятой. По крайней мере, отец иногда разговаривал со мной. Но мать?

Я её ненавидел. Она никогда со мной не разговаривала.

Я прижал колени к груди и уткнул лицо между ними. Я кивнул дереву: «Мм. Спой мне настоящую песню.»

«Как пожелаешь.»

Я закрыл глаза, и земля подо мной потускнела, когда Поющее Древо начало гудеть. Как яркий свет, звук проник в меня, пока не осталось ничего, кроме музыки. А потом ... я парил. Летел в темноте. Я чувствовал, как холодный ветер проносится мимо меня, проникая в пальцы рук и ног. Поднимаясь по конечностям, пронизывая всё тело. Я задрожал, онемев, когда началась песня.

«[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible] »

Я не мог разобрать текст, но это нормально. Звуки песни грохотали во мне. Как крошечные вибрации повсюду. Они передавали то, чего не могли передать слова. Чувства. Воспоминания.

Песня перенесла меня в места, где я никогда не был.

Я глубже погрузился в мелодию, и холод начал исчезать. Теперь стало тепло. Защебетали птицы. Я услышал шелест полей и далёкий рёв моря. Я почувствовал запах растущих вдали ягод; еды, приготовленной на кухне. Я услышал смех, улыбки. Звон бокалов и тепло костра.

Дружба. Товарищество. Семья. Истории людей, которых я никогда не встречал, но знал, как самых близких друзей.

Я погрузился в тепло и прислушался. Я учился.

И я понял, как можно говорить без слов.

***

Если не считать визитов к дереву, моя жизнь была однообразной.

Пришла зима, и прошло лето. Я пел дереву, и оно пело мне. Я вырос. Выше, сильнее. Я стал больше похож на отца и мать. Мои волосы отросли, а кончики странным образом стали бледно-белыми. Пятна серого камня на моей коже стали твёрдыми, как у отца, на локтях и щеках они стали зубчатыми. Отец сказал мне, что это выглядит круто.

Мне нравилось думать, что деревенские девушки тоже так думали.

Однако у меня не было на них времени. Нет, нет. Я был слишком занят. Были другие, более важные дела. Например, помогать родителям и слушать песни дерева. Я помогал родителям работать днём и сочинял песни до поздней ночи.

Постепенно время и усилия оттачивали моё мастерство.

Я научился варить зелья и отличать яд от лекарства. Я научился формировать металл с помощью молотка и шлифовать лезвия так, чтобы они могли проходить сквозь кожу, как нож сквозь масло. И так же, как моя мать открыла мне дверь в алхимию, мой отец обучил меня кузнечному делу.

Тем не менее, я не видел себя ни в одной из этих дисциплин. Да, это было весело, но не круто. Не так круто, как мой друг. Не так, как его песни. В конце концов, я обратился не к столу или кузнице, а к Поющему дереву.

Пустоте, полной песен. Она научила меня. Воодушевила меня.

И в свой тринадцатый день рождения я попросил духовой инструмент.

Бансури.

***

Полночь, в городе было тихо.

Я сидел на крыше своего дома, глядя на другие здания ниже по склону. Наша деревня была построена на вьющемся шпиле скалы - ребре серого камня, вцепленном в землю. Вдали внизу в лунном свете блестели леса, бурлящие жизнью даже ночью. Возможно, даже больше, чем днём.

Я смотрел на солнечных птиц, летящих над деревьями, бросающих частички света на ожидающую землю.

Мило.

Я медленно поднёс бансури к губам, поставил пальцы в тональные отверстиях и подул.

Слишком сложно. Звук получился пронзительным, резким. У меня заболели уши и кольнуло в сердце. Морщась, я попробовал ещё раз. Затем снова.

Моя игра неуклюжа, это было понятно. Ноты звали меня, но я не знал, как им ответить. Мои пальцы, твердые, но неуверенные, перебирали тональные отверстия, выдавая прерывистые и напряжённые мелодии.

Трудно. Музыка была трудной. Сложнее, чем я думал. Я всю неделю практиковался, пытаясь понять, как играть на инструменте, но это не принесло результатов. У меня сразу не получилось хорошо. Я не был так талантлив, как я думал, и я почувствовал, как разочарование нарастает в моей груди, когда уродливые звуки вырывались из моего инструмента. Моя хватка на бансури то напрягалась, то ослабевала. Глаза начало щипать. Я ненавидел, когда это происходило.

От этих чувств моё сердце, каким-то образом, заболело ещё сильнее.

Удрученный в тысячный раз за этот день, я стал играть медленнее. Ноты стали слабыми. Угасали, исчезали и в конце концов прекратились.

Пока не загорелся свет на углу моей крыши.

Я полностью остановил игру, встретившись взглядом с маленькими глазками. Птица неземного света размером не больше моего кулака сидела на черепице и смотрела на меня, склонив голову от любопытства. Она прыгнула вперёд и клюнула плитку.

Щелчок. Я посмотрел на неё. Ещё щелчок. Я продолжал смотреть в замешательстве, пока не заметил взгляд, который она направила на вещь в моих руках.

Мой бансури.

Я сглотнул. Неуверенно, я поднёс бансури к губам, и клевание прекратилось. Солнечная птица уставилась на меня, наблюдая.

Ожидая.

Мои дрожащие пальцы сомкнулись на отверстиях и… я заиграл. По-прежнему неуклюже и запинаясь.

Но всё же я играл. Потому что кто-то смотрел.

Потому что мне было на кого произвести впечатление.

Я позволил своему инструменту петь, пока луны не скрылись за горизонтом. Он играл, пока звёзды не погасли, и пока солнце не взошло над верхушками деревьев и не окрасило мир светом. Я стонал от разочарования при каждой неудаче. И моя решимость укреплялась всякий раз, когда солнечная птица клевала плитку и уговаривала меня продолжать. И я чувствовал себя счастливым, когда играл ноты так, как хотел. Солнечная птица всё время оставалась со

мной, наблюдая. Время от времени чирикая.

Друг.

А когда на неё попали солнечные лучи, я наблюдал, как птица голубого света начала угасать - свет в ночи, привидение днём.

Я закончил песню до того, как она исчезла, рассказав историю без слов и создав ужасную музыку, которая смущала, но играть было абсолютной радостью. Сегодня это были заикание новичка, правда. Они были слабыми, шаткими и неустойчивыми.

Но не стоило боятся.

Это работа музыканта, идти до конца.

Когда песня закончилась, и я снова открыл глаза, я остался один. Воцарилась тишина, и в глубине души я знал, что песня, которую я только что сыграл, будет не последней. Она будет первой из многих, многих других.

Я встал, вытер штаны и слез с крыши.

И я сказал родителям, кем стану.

http://tl.rulate.ru/book/60551/1564318